

1581—1981
400-летию вхождения Сибири
в состав государства Российского
посвящается

Российское могущество прирастать будет
Сибирью и Северным океаном.

М. В. Ломоносов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XXIV

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

Ю. В. Мартин

РАБОТЫ Н. И. ЗИБЕРА ПО ИНДОНЕЗИИ И ЗНАЧЕНИЕ ИХ ДЛЯ ЭТНОЛОГИИ

В мартовской книжке петербургского журнала «Отечественные записки» за 1881 г. появилась большая и не совсем обычная для этого, в первую очередь литературного, издания статья «Община и государство в Нидерландской Индии» [7]. В том же, 1881 г. и в последующие три года в разных периодических изданиях России была опубликована серия статей по проблемам, находящимся на стыке этнологии, экономики и социологии, в которых был широко использован индонезийский материал. В 1883 г. появилась монография «Очерки первобытной экономической культуры», написанная двумя годами ранее¹, труд, где также широко привлекались данные по Индонезии и народам Тихоокеанского бассейна [10].

Автором этих работ, многие из которых не потеряли своего значения в наши дни, был Николай Иванович Зибер — выдающийся российский экономист и этнограф, один из первых пропагандистов марксизма в России, активно публиковавшийся во второй половине 70-х — первой половине 80-х годов. Он родился 10 (22) марта 1844 г. на Украине (отец — швейцарец, мать — дочь француза и русской). Блестяще закончив курс юридического факультета Киевского университета, он в 1871 г. защитил магистерскую диссертацию, которая называлась «Теория ценностей и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями» [6]. Эта работа была высоко оценена К. Марксом².

В 1873 г. Н. И. Зибер был избран доцентом на кафедру политэкономии Киевского университета, а затем и профессором. В знак протеста против университетской политики царизма он

---

¹ Предисловие к книге датировано 6 (18) октября 1881 г. [15, т. 2, с. 9]. Напомним, что незадолго до этого вышла книга Л. Моргана «Древнее общество» [46], а в 1884 г. труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [2], ставшие эпохой в изучении первобытности.

² См., например, [1, с. 372]. Зибер позднее дополнил и переработал диссертацию, издав ее под несколько измененным названием [13; см. также 15, т. 1].

подал в 1875 г. в отставку и уехал за границу, откуда постоянно посылал в русские журналы свои статьи по различным проблемам политэкономии, социологии, первобытного общества, статистике и др. [33, с. 370]³. В 1882 г. он издал в своем прекрасном переводе сочинения Д. Рикардо [34], которым широко пользовались марксисты на протяжении не одного десятилетия.

Круг литературы, им использованный, поражает своим разнообразием; нередко обращался он и к этнографическим материалам по народам Индонезии и Океании. Его биограф Л. М. Клейнборт пишет: «...и как теоретик, и как историк экономического быта, Зибер выступал вооруженный такой эрудицией, какой едва ли кто-либо из марксистов... превосходил его» — и продолжает далее: «Ясно, какую значительную силу имел марксизм в лице этого первого ученика Маркса еще в семидесятые годы» [17, с. 8]. А выдающийся русский публицист и социолог Н. К. Михайловский, отличавшийся сам обширными знаниями в разных областях науки и культуры, вспоминал: «...Зибер был действительно серьезный ученый, и уже ни в каком случае не стал бы я с ним меряться знаниями, слишком бы это было для меня невыгодно» [28, с. 189].

В 1884 г. Зибер вернулся в Россию, но неизлечимо больным (тяжелое заболевание центральной нервной системы) и умер 24 апреля (10 мая) 1888 г. в Ялте. Сказались чрезвычайные перегрузки в работе, возможно усугубленные особенностями его натуры. По отзывам знавших его друзей и коллег, он был, как сказал известный историк литературы Д. Н. Овсянко-Куликовский, «натурой этико-нормативного уклада», «основная черта которой,— добавил Л. М. Клейнборт,— неуклонная моральная требовательность, психологическая невозможность воздержаться от высказывания „правды в глаза“» [17, с. 23]. А его учитель правоведения проф. А. В. Романович-Славатинский писал: «Это была натура нервная, глубоко впечатлительная, с которой не всегда мог справиться его уравновешенный, довольно положительный ум. Он как-то трепетно и лихорадочно относился к явлениям жизни и к вопросам науки, представлявшейся ему царственной богиней... Чистокровный идеалист, он не способен был ни к какой сделке и компромиссу» [35; см. также 33, с. 334].

Не останавливаясь на экономических воззрениях Зибера, ибо эта тема лежит за пределами данной статьи, отметим лишь, что он очень много сделал для популяризации идей Маркса в России. Начиная с 1871 года именно Зибер выступил с активной пропагандой марксизма в России. В 1880—1881 гг. Зибер неоднократно встречался с Марксом и Энгельсом, бывая в лондонской квартире Маркса [4, с. 174—175]. Николай Ивано-

³ Это были такие известные русские журналы, как «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Знание», «Слово», «Юридический вестник» и др., из газет он чаще всего публиковался в «Русских ведомостях».

вич Зибер опубликовал в русских журналах серию статей, пропагандировавших экономическое учение Маркса. Практически все революционные кружки в России во второй половине 70-х — начале 80-х годов знакомились с трудами основоположников марксизма по работам Зибера и затем изучали оригиналы. Труды Зибера оказали влияние на Г. В. Плеханова, Д. Благоева, Н. Е. Федосеева и др.

Как экономические воззрения самого Зибера, так и его роль в распространении марксизма в России неоднократно и вполне удовлетворительно освещались в советской научной литературе⁴. Отмечая его выдающиеся заслуги в этой области, следует в то же время иметь в виду, что Зибер не усвоил революционной сущности экономического учения Маркса. Считая это учение самой совершенной теорией своего времени, он в то же время рассматривал «теорию стоимости Маркса как естественную эволюцию теории Рикардо», не видя классового различия между ними [22, с. 686]. Будучи «первым в России последователем теории исторического материализма», пропагандистом «нового учения» [5, с. 173, 178], Зибер не овладел им вполне, не овладел марксистской диалектикой социальной революции. В российских условиях 60-х — начала 80-х годов он не увидел революционного класса — пролетариата, не осознал его роли в мировой истории (хотя, по свидетельству современников, именно Зиберу принадлежит фраза: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет», сказанная им народнику Н. К. Михайловскому) (цит. по [17, с. 7; см. также 33, с. 340, примеч. 1]).

Характеризуя того или иного деятеля науки или культуры, особенно прогрессивного направления, несомненно, более целесообразно отмечать, что нового дал он, чем стремиться отыскивать, что он не дал. Именно так подходили к Н. И. Зиберу и К. Маркс, и В. И. Ленин, многократно использовавший работы Зибера и ссылавшийся на них в своих трудах (см., например, [3, с. 156, 168, 172, 179—181]).

Весьма велик вклад Зибера в изучение истории человечества на доклассовой и раннеклассовой стадиях его развития. Этот вклад признается многими советскими учеными [18; 19; 24 и др.]. Особенно тепло отзывается о Зибере виднейший советский этнограф проф. С. А. Токарев [37, с. 354—356; 32, с. 645].

Какаясь теоретико-методологического подхода Зибера к изучению истории народов, необходимо отметить следующее. Он был горячим сторонником сравнительно-исторического метода исследования: «В конце концов каждый истинный метод должен быть непременно историческим, указывающим генезис известных общественных явлений» [14, т. 2, с. 19]; «всякое общественно-эко-

---

⁴ Основные работы (в хронологическом порядке): [28; 35; 5; 29; 17; 36; 18; 27; 19; 33; 39; 32; 4; 22; 37; 24].

номическое явление должно наблюдаться в своей истинной и характеристической форме, без всяких примесей как со стороны других явлений, так и со стороны ошибочности выбора точного времени и места своего развития и свершения» [15, т. 1, с. 51]. Для него характерно понимание изменчивости, диалектичности в подходе к изучаемым явлениям: «Настоящее состояние вещей есть столь же переходное, историческое состояние, как и все предыдущие общественные состояния». В другом месте он писал: «...вся совокупность общественно-экономических явлений, а следовательно, и все те взаимные отношения людей, которые на ней основаны, должны быть наблюдаемы и изучаемы не в состоянии покоя, а также не в состоянии изолированном и оторванном от той среды, в которой они совершаются, а, напротив, в состоянии их развития, поступательного движения, взаимодействия в пространстве и во времени» [14, т. 2, с. 21—28].

Хотя в те годы не существовало понятия о методе системного подхода, Зибер, по существу, рассматривал общественный строй каждого народа именно как систему, состоящую из отдельных структур — родовой, семейной, общинной и т. д., при строгой функциональной зависимости отдельных элементов внутри структуры и самих структур в рамках всей системы. Функционирование общества рассматривалось им не только интегрально (через цепочку — состояние производительных сил, воздействие их на производственные отношения, отражение последних на надстройке и т. д.), но и в динамике (через показ взаимодействия элементов структур) (см., например, [11, с. 135—136]). Таковы исходные теоретические установки, принятые Зибером при изучении этнографического материала.

Даже беглый взгляд на отбор материала Зибером, анализ собранных им данных и сделанных выводов показывают, что Зибер был оригинальным и глубоким исследователем, обращавшимся при создании своих концепций к самому широкому кругу источников. Именно так подходил Зибер к изучению индонезийского этнографического материала. Зибер высоко оценивал значение Индонезии для сравнительных и теоретических исследований, особенно в наиболее близкой ему сфере экономической, социальной и семейной жизни. Он писал: «Давно уже было замечено, что острова Индийского Архипелага представляют единственное в своем роде соединение условий для изучения развития различных форм общественных союзов. На небольшом, сравнительно, пространстве здесь можно встретить последовательный ряд различных ступеней культуры, начиная от стадного соединения бродячих дикарей-охотников и кончая довольно сложную... оседлую цивилизацией». И далее со ссылкой на английского исследователя Д. Кроуферда он повторяет: здесь «можно встретить образцы всевозможных форм социального союза, начиная от полного равенства... до самой абсолютной формы восточного деспотизма» [14, т. 1, с. 49, 58]. Совет-

ские этнографы-индонезисты полностью солидарны с этим мнением Зибера [см., например, 23, с. 34—36; 31, с. 411 и сл.].

Зибер стремился рассматривать этнографический материал на историческом фоне. В статье «Община и государство в Нидерландской Индии» Зибер дает краткое и четкое изложение истории проникновения европейцев в Индонезию и другие страны Юго-Восточной Азии. Говоря о Нидерландской Ост-Индской компании, он замечает: «... эта компания была не только торговым, но и государственным телом» [14, т. 1, с. 52], при этом он подчеркивает, что она стала практически государством, которое завоевало и эксплуатировало почти двести лет — с 1602 по 1799 г. — богатейшую колонию — Нидерландскую Индию. Зибер дает беспощадную характеристику целям и методам колонизаторов, перечисляет этапы захватнической политики. Он пишет с возмущением о грабительских налогах и монополиях, с помощью которых голландские колонизаторы выкачивали богатства из Индонезии, что вызывало многочисленные народные выступления. Он пишет, что «во всех... случаях... восстаний голландцы обыкновенно заставляют туземцев уплачивать себе военные расходы, закрывая глаза на то, что они воевали не с самостоятельными, а с вассальными государствами» [14, т. 1, с. 57]. Рассматривая систему земледелия, Зибер ссылается на книгу голландского этнографа Холландера, в которой описываются порядок традиционного землепользования на Яве и модификации, внесенные голландцами, и делает вывод, что последние были большими эксплуататорами, чем султаны и раджи: так, ни яванские правители, ни правители других территорий не предъявляли прав на невозделанные земли, которые считались общими, — голландцы же заявили свое право верховной собственности на них! [14, т. 1, с. 70].

Зибер тщательно собирает факты, связанные с антиколониальной борьбой народов Индонезии, называет даты, места восстаний, имена героев. О войне падри, шедшей на Западной Суматре в первой половине XIX в., он пишет: «...на Суматре все продолжало бушевать, и с небольшими перерывами и новыми вспышками восстание длилось около 17 лет (до 1837 г.)⁵, когда голландцы одержали верх над туземцами и вознаградили себя снова громадным расширением территории»; и далее: «В других местностях также непрерывно возникали беспорядки и восстания, так что архипелаг почти ни на минуту не переставал кипеть и волноваться до самого настоящего времени (т. е. до 1881 г. — Ю. М.). На Целебесе возмущения следовали одно за другим...» [14, т. 1, с. 56]. Говоря о войне на Яве в 1825—1830 гг.⁶, Зибер замечает: «И кончилась она, подобно

⁵ Отдельные вспышки волнений происходили вплоть до 1845 г. (см. [16, с. 91—120]).

⁶ Советские историки показали, что это движение было настоящей народной войной (см. [30]).

многим другим голландским войнам, не в силу успеха голландского оружия, а благодаря интриге, подкупу, перебежке и переманке. Нечего и говорить, что в результате оказалось новое расширение голландской территории и уменьшение власти туземных князей» [14, т. 1, с. 57]. Поражение этого народного движения, руководимого Дипонегоро (Дипанегарой), не остановило борьбу народа: Зибер упоминает о восстаниях, произошедших по Яве в 1831 г. (округ Багелен), 1832 г. (Краванг), 1833 г. (Пасуруан), 1845—1850 гг. (Бантам).

Желая показать, «кто занимается усмирением восстаний на Индийском архипелаге», Зибер цитирует корреспондента «Кельнской газеты»: «Если в Германии какой-нибудь молодой человек решительно *никуда не годится*, если он обременен невыносимыми долгами или с ним случились какие-нибудь еще более приятные вещи, если, одним словом, он непригоден даже для эмиграции в Америку, то его отдадут в голландскую военную службу для отправления в Индию»; и далее: «подобных приятных молодых людей в должностях солдат и офицеров насчитывается в доблестной голландско-индийской армии (ачинская экспедиция)⁷ не менее 5000, да в должностях надзирателей, приставленных для выжимания последней капли крови из туземцев, от 500 до 1000» [14, т. 1, с. 57—58].

С горечью пишет он об эксплуатации населения со стороны местных правителей: «Там, где существуют многочисленные мелкие государства, происходят вечные войны и споры и народ покупается и продается без зазрения совести» [14, т. 1, с. 62]. Один из ярких примеров — положение в мелких княжествах Сулавеси.

Обращаясь к рассмотрению экономических и социальных проблем Индонезии, Зибер обнаруживает хорошее знание литературы вопроса. Называя имена английских авторов: Марседена [43], Раффлза [47], Кроуферда [41], Мура [45] и др., которые «имеют крупные достоинства», он отмечает вместе с тем, что в их работах «содержатся лишь весьма неопределенные указания на формы общинного владения землею, как известно, преобладающие у туземцев» [14, т. 1, с. 49]. Зибер очень высоко ценит голландские источники, неоднократно подчеркивая, что в описаниях социального строя они стоят гораздо выше английских; это, кстати, несколько ранее отметил и известный бельгийский экономист и правовед Э. де Лавеле, обратившийся к ним, работая над монографией «Первобытная собственность» [20, с. 47, 49]. Зибер вводит в научный оборот достаточно широкий круг голландских этнографических и исторических исследований, неведомых русскому читателю, да и европейскому также, в том числе и большинству ученых Ев-

---

⁷ Речь идет об Ачехской войне, начавшейся на севере Суматры в султанате Аче в 1870 г. (см. [38]).

ропы, из-за незнания голландского языка, а в настоящее время, к сожалению, полностью забытых. В первую очередь это работы И. де Холландера [42], А. Феркерка Писториуса [48], Г. Вилкена [49; 50]. Особо важно подчеркнуть внимание к Г. Вилкену, одному из виднейших эволюционистов XIX в.

Лейтмотивом работ Зибера по экономической истории народов, начиная с их первобытного состояния, является следующая мысль: «Общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития» [15, т. 2, с. 7]. Так, он утверждает: «Основные черты этого сложения (первобытного строя.— Ю. М.) следует искать в форме организации работ, служащих для поддержания существования общества, или, что то же самое, в форме общественного производства и потребления».

Однако только изучение организации общественного труда способно наглядным и правильным образом разъяснить внутреннюю природу и особенности политических, религиозных, умственных и многих других явлений общественной жизни первобытных народов» [15, т. 2, с. 8]. На материале мировой этнографии, включая и этнографию Индонезии и Океании, Зибер рассмотрел коллективные формы труда, хозяйства и потребления, начиная от простейших примеров — охотничьи, рыболовецкие, пастушеские, собирательские коллективы — до наиболее сложных — сельскохозяйственные коллективы, практикующие как простейшие способы земледелия, так и более сложные, связанные с искусственным орошением.

Зибера особенно увлекали процессы становления и развития землепользования и землевладения, о чем свидетельствуют многочисленные работы, написанные им на эту тему. Он был убежден, что как формы производства, так и соответствующие ему общественные формы есть результат естественного развития, а не насильственного навязывания или заимствования извне. Так, цитируя описание порядков землепользования в десе (общине) на Яве, сделанное Холландером, когда последний пишет: «Вышеупомянутый способ... пользования землею... без сомнения заведен индусами», Зибер ставит после слов «без сомнения» вопросительный знак [14, т. 1, с. 72]. Этим он выражает свое несогласие в возможности введения извне форм социальной организации. Очень важным в теоретическом и методологическом плане нам кажется следующее положение Н. Зибера: «Собственность не представляет собою абстрактного богатства, которое можно взять у одних лиц и отдать другим. Собственность не более как форма конкретного производственного процесса, который развивается и изменяется, но не создается и не отменяется при помощи декретов» [14, т. 2, с. 172].

Почти все его «Очерки первобытной экономической культуры» посвящены описанию различных форм коллективного тру-

да; эта же тема занимает большое место в работе «Общество и государство в Нидерландской Индии». Этнограф профессор С. А. Токарев, характеризуя первую из работ, пишет: «Научное значение книги Зибера особенно велико потому, что в ней в сущности впервые поставлен вопрос о характере производственных отношений, форм собственности в первобытном доклассовом обществе, — вопрос, который ни Морган, ни Энгельс по-настоящему не поставили» [37, с. 355]. Экономист профессор Н. А. Цаголов, говоря о трудах Зибера по общине, утверждает: «Работы Зибера, посвященные проблемам первобытной экономики, культуры и общественной организации, имели значение, далеко выходящее за пределы проблемы общины. Зибер, по существу, доказывал в своих работах ту мысль, которая позднее нашла яркие формы выражения в известной работе Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“... Зибер не смог воспроизвести картину развития доклассового общества так, как это было сделано позднее Энгельсом, однако Зибер последовательно отстаивает тот взгляд, доказательству которого были посвящены и труды Моргана, что первобытная экономика базировалась на общинной собственности, что частная собственность есть продукт общинного развития» [39, с. 26].

Одновременно Зибер тщательно изучал родовую организацию и различные формы семьи и брака, стараясь вскрыть экономическую сторону этих институтов. Насколько нам известно, Зибер первым в русской научной литературе ввел понятия «общинно-родовая теория» и «общинно-родовая организация», обратил внимание на необходимость «в разъяснении экономической основы различных родовых союзов» [15, т. 2, с. 273]⁸.

В целом Зибер переоценивал степень сохранения общинных институтов на Яве и в Индонезии вообще. Например, он писал: «Земля на Яве, насколько она обрабатывается, принадлежит фактически общине и только обложена известными повинностями в пользу суверена, который, подобно самой общине, не может отчуждать ее» [14, т. 1, с. 73]. Тем не менее он видел проникновение частного начала в общинные организации и верно подметил процесс распада общинной собственности. В ряде работ он показывает пути формирования личной собственности на основе личного труда, в первую очередь при подъеме целины (см., например, [15, т. 2, с. 257—258]). Говоря о «частной собственности»⁹, он оговаривается: «Во всем предыдущем изложении выражение „частная собственность“ следует пони-

---

⁸ Зибер имел в виду экономические условия, которые способствовали становлению и сохранению родовых подразделений; основным же производственным коллективом он полагал общину.

⁹ В «Очерках первобытной экономической культуры» встречаются термины «отдельная собственность», «индивидуальная собственность» [15, т. 2, с. 257, 258].

мать не иначе как в условном значении: оно обозначает различные стадии пользования землею, постепенно обособляющихся внутри общины меньших союзов, семейств и частных лиц *на пути к образованию индивидуальной собственности*» [14, т. 1, с. 74]. Он подвергает критике Раффлза за «смещение... политической власти суверена на Яве с частным правом собственности на землю» [14, т. 1, с. 77].

Безусловно интересно изложение системы землепользования и землевладения у минангкабау (Зибер называет их «малайцами Западной Суматры»), которую он описывает преимущественно по материалам Феркерка Писториуса и публикациям «Центрально-Суматранской экспедиции» [48; 44], но со своими комментариями, представляющими немалый теоретический интерес. Он увидел у минангкабау многоступенчатую систему владельческих отношений, причем объект и объем имущественных прав разных, иерархически соподчиненных единиц был строго регламентирован. Он делает глубокое по содержанию, хотя и нуждающееся в конкретизации наблюдение: «В этом разграничении прав на землю и на другое недвижимое имущество между различными коллективными единицами собственников, начиная от округа и кончая отдельной семьей, мы встречаем прекрасный пример постепенного исторического напластования все более и более индивидуальных прав на землю по мере распада первоначального населения на отдельные округа, кампонги, суку и семейства (кампонг, суку — родовые подразделения у минангкабау.— Ю. М.). В то время как внутри одной большой общины происходит все большее и большее обособление отдельных частей общей территории, другие части той же территории продолжают поддерживать связь целого и таким образом объясняется одновременное существование различных родов собственности» [14, т. 1, с. 87]. Работы недавнего времени показали, что Зибер проявил в изучении этого сложнейшего по социальной структуре общества большую проницательность (см., например, [25]).

Уделив основное внимание различным формам проявления коллективизма, «общности», в ряде работ Зибер специально рассматривает различные формы брака и семьи у народов Индонезии [8; 9; 12].

Особый интерес представляет статья «Новый труд о первобытных учреждениях», посвященный анализу работы Г. Вилкена «О примитивных формах брака и о происхождении семьи» [49]. Хотя работа Вилкена публиковалась в малодоступном голландском журнале «Индийский путеводитель», уже через год, в 1882 г., она стала достоянием русского читателя. Знакома Зиберу была и другая работа Вилкена — «О родстве и брачном и наследственном праве у народов малайской расы» [50]. Наряду с изучением конкретного индонезийского материала Зибер был хорошо знаком с современной ему литературой по пробле-

мам развития брака и семьи — работами Лёббока, Мак-Ленна, Моргана, Жиро-Тёлона, Поста.

Зибер отмечает уважение к женщине и часто высокое общественное ее положение у большинства народов архипелага (см., например, [15, т. 2, с. 267—273]), описывает родовую экзогамию [14, т. 2, с. 185], формы брака, в том числе брак похищением, детские (и вообще ранние) браки, обряд убегания невесты, обычай гостеприимного гетеризма, легкость заключения и расторжения браков, добрачную половую свободу, многие другие сюжеты, связанные с семейно-брачными отношениями, вводит в научный оборот для русского читателя такие понятия, как брак «амбиль анак» и «сумандо» — матрилокальный и дислокальный [14, т. 2, с. 40—41, 133, 190—195, 209]. Во всех этих институтах и обычаях он увидел и экономическую сторону. Именно поэтому он тщательно исследует обычаи, связанные с платой за жену [14, т. 2, с. 211 и сл.]. Весьма любопытна попытка Зибера установить связь между территориально-рассеянными суку (родами) у минангкабау с рассредоточенными кланами у американских индейцев тех групп, которые имеют матрилинейность; он даже предположил возможность сходного объяснения происхождения минангкабауских суку и брачных классов австралийцев [14, т. 1, с. 95—96] — гипотеза, нуждающаяся в проверке.

Зибер верно прослеживает процесс становления верховной власти (хотя терминология у него иногда усложнена и не всегда соответствует ныне принятой). Так, он пишет: «Выбор правительства сначала происходил из всех, потом из привилегированных семейств, впоследствии в одном из таковых власть делалась наследственной. Война, завоевание, сполляция (военный грабеж.— Ю. М.) создают крепость авторитета и делают власть деспотической. Дальнейший шаг в том же направлении суть выборные аристократические советы... В некоторых из этих аристократических федераций президент избирается из состава избирателей, но чаще из особенной семьи... Президент вскоре делается наследственным главою федерации...» [14, т. 1, с. 60]. Таким образом, Зибер рисует картину раннего классовообразования — власть авторитета.

В то же время он видит и значение имущественного положения в укреплении власти — авторитет власти. «Обладание богатством,— пишет он,— как необходимое последствие чрезвычайного плодородия почвы служило на Яве поощрением стремлениям абсолютной власти, усиливая руки тех, кто пользовался высшим положением» [14, т. 1, с. 61]¹⁰, верно подмечает, что «где на Востоке земледелие есть главное занятие, там можно

¹⁰ Аналогичный двусторонний процесс подробно описан в работе, посвященной общественному строю горных народов Северо-Восточной Индии, находящихся на сходном уровне развития [26, с. 210—238, гл. 7. Становление сословий и классов].

наверняка рассчитывать найти народ под деспотическим правлением» [14, т. 1, с. 61], но объясняет этот факт неверно, видя причину только в привязанности крестьянина к земле, отчего проистекает якобы покорность властям.

Исследуя поземельные отношения на Востоке, в частности на Яве и Бали, он подчеркивает особую роль права на воду для орошения в становлении классового общества: «...можно было бы предполагать, что раннее учреждение этого права снабдило суверена одним из главных средств для уничтожения равенства населения и для установления *абсолютной власти*». И далее Зибер развивает эту мысль: «Усвоение (обработка.— Ю. М.) большей части плодородных и расположенных наиболее выгодно для орошения земель, с сооружением водопроводов или плотин, представляет создание собственности наиболее ценного рода, и требование ренты должно было совпадать с ним. Где этот род хозяйства преобладает, претензия суверена на получение части продуктов может быть прослежена до необходимости укрепления в государстве общего *верховного надзора* за распределением *воды для орошения*, на котором покоится весь успех земледельческого процесса и который не мог бы без потери и неудобства быть предоставлен в *частные руки*» [14, т. 1, с. 63]. Зибер различает разновидности ренты: так, «половина продукта влажных земель и одна треть продукта сухих земель суть давно установившиеся и хорошо известные доли правительства на Яве».

Таким образом, приведенные — и далеко не исчерпывающие научного наследия Зибера — примеры показывают, что его заслуги как перед этнографией Индонезии, так и еще в большей степени перед теоретической этнографией (этнологией) весьма велики.

Зибер был не только первым русским этнографом, наиболее близко подошедшим к марксистскому анализу этнографических фактов. Он вообще первым в мировой науке применил материалистическое понимание истории к ранним этапам истории человечества. Он одним из первых обратил внимание на древнейшие формы общинных и поземельных отношений. Зибер обратился к изучению экономической основы доклассового общества, т. е. фактически к экономической истории первобытного общества, опираясь на марксистское положение о том, что в основе всякого общественного развития лежит опыт производства материальной жизни.

Из повсеместной распространенности общинного труда Зибер делал вывод о наличии коллективной собственности, описал ее начальные формы у первобытных охотников и собирателей, проследил развитие института собственности вплоть до появления классов. Это ему принадлежит вывод о зависимости надстройки от базиса и в первобытном обществе, а также об относительной независимости ряда элементов надстройки. Зибер

показал, что через общинную форму труда и собственности прошли все народы, что частная собственность стала возникать на базе распада общинной собственности.

Зибер изучал вопрос семейной и родовой организации, проблему разделения труда, роль обмена в развитии первобытного общества. Большое внимание уделил он началу сословного разделения общества, появлению общественных должностных лиц, каст, рабства, классов, государства.

Зибер был первым ученым, который при исследовании первобытного общества соединил в себе экономиста, правоведа, этнографа и историка. Он использовал огромное количество источников, неизвестных в то время русскому читателю и малоизвестных читателю европейскому. Именно Зибер положил в русской науке начало изучения Индонезии — в первую очередь общинной организации и форм семейно-брачных отношений у народов этой страны. Индонезийские материалы, в свою очередь, помогли ему в разработке общетеоретических вопросов.

Наконец, его работы свидетельствуют о том, что Зибер задолго до Б. Малиновского фактически открыл новую страницу в мировой этнологии — экономическую антропологию. Этот его вклад в науку требует специального серьезного исследования¹¹.

Мы полагаем, что творческое наследие Зиберера может еще не раз послужить советской науке — как общие его труды, так и труды страноведческого характера, в которых приведено много интересных фактов, содержатся ценные наблюдения и мысли.

Литература

1. Маркс К. Замечания на книгу А. Вагнера «Учебник политической экономии». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19.
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
3. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма. — Полное собрание сочинений. Т. 2.
4. Бак И. Зибер. — Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
5. Воровский В. В. Н. И. Зибер. По поводу 20-летия его смерти. — Сочинения. Т. 1. М., 1933.
6. Зибер Н. И. Теория ценностей и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями. Опыт критико-экономического исследования. Киев, 1871.
7. Зибер Н. И. Община и государство в Нидерландской Индии. — «Отечественные записки». 1881, № 3.

---

¹¹ К сожалению, его имя в зарубежных исследованиях не встречается. В работах некоторых советских авторов обнаруживается также незаслуженная забывчивость в отношении Зиберера. Примером тому может служить интересная монография П. Ф. Лаптина, посвященная историографии русской общины на рубеже XIX—XX вв.: хотя работы Зиберера сыграли немалую роль в истории русского общиноведения, на его долю досталось лишь одно примечание, притом негативного характера [21, с. 9].

8. Зибер Н. И. Новый труд о первобытных учреждениях.— «Отечественные записки». 1882, № 7.
9. Зибер Н. И. Общественная экономия и право.— «Юридический вестник». 1883, № 5, 9, 10.
10. Зибер Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1883 (переиздания 1899, 1923, 1937 и 1959 гг.; ссылки по изданию 1959 г.— см. № 15, т. 2).
11. Зибер Н. И. О влиянии прогресса на бедных.— «Русская мысль». 1883, № 9, 11, 12.
12. Зибер Н. И. Сравнительное изучение обычного права (По исследованиям Поста).— «Юридический вестник». 1884, № 5, 11; 1885, № 1.
13. Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования. СПб., 1885 (переиздания 1897, 1937 и 1959 гг.; ссылки по изданию 1959 г. см. № 15, т. 1).
14. Зибер Н. И. Собрание сочинений. Т. I—II. СПб., 1900.
15. Зибер Н. И. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. 1—2. М., 1959 (Т. 1. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях.— Статьи; т. 2. Очерки первобытной экономической культуры.— Статьи).
16. Историография и источниковедение стран зарубежного Востока. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. М., 1967.
17. Клейнборт Л. М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923.
18. Кушнер П. И. (Кнышев). Предисловие к книге: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.
19. Кушнер П. И. (Кнышев). Н. И. Зибер (К 60-летию со дня смерти).— «Советская этнография». 1948, № 4.
20. Лавелъ Э. де. Первобытная собственность. Пер. с франц. СПб., 1875.
21. Лаптин П. Ф. Община в русской историографии последней трети XIX—начала XX в. Киев, 1971.
22. Мамулова Л. Г. Зибер.— «Советская историческая энциклопедия». Т. 5. М., 1964.
23. Маретин Ю. В. Основные проблемы этнографического изучения Индонезии.— Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. Л., 1967.
24. Маретин Ю. В. Русский марксист XIX в. Н. И. Зибер и значение его работ для первобытной истории.— XIII Международный конгресс по истории науки и техники. Секция № 10. История наук о человеке. М., 1971.
25. Маретин Ю. В. Община соседско-большесемейного типа у минангкабау (Западная Суматра).— Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
26. Маретина С. А. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М., 1980.
27. Мейдбраер Р. Социально-экономические взгляды Зибера.— «Научные записки Московского Планового Института Госплана СССР». Вып. I. М.—Л., 1940.
28. Михайловский Н. К. Литература и жизнь.— «Русская мысль». 1892, № 6.
29. Мих-в. Зибер.— Русский биографический словарь. Жабокритский—Зяловский. Пг., 1916.
30. Мовчанюк П. М. Яванская народная война 1825—1830 гг. М., 1969.
31. Народы Юго-Восточной Азии. М., 1965.
32. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2. М., 1960.
33. Реуэль А. Л. Н. И. Зибер как научный и общественный деятель в России 70-х и начала 80-х годов XIX в.— А. Л. Реуэль. Русская экономическая мысль 60—70-х гг. XIX в. и марксизм. М., 1956.
34. Рикардо Д. Сочинения. Пер. Н. Зибера. С приложениями переводчика. СПб., 1882.
35. «Русские ведомости», 19.XI.1902.

36. Слабченко Н. Е. Николай Иванович Зибер.— Вступительная статья к книге: Н. И. Зибер. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, 1923.
37. Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966.
38. Тюрин В. А. Ачехская война (Из истории национально-освободительного движения в Индонезии). М., 1970.
39. Цаголов Н. А. Выдающийся русский экономист Н. И. Зибер.— Вступительная статья к книге: Н. И. Зибер. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. 1. М., 1959.
40. Цаголов Н. А. Н. И. Зибер — первый пропагандист экономической теории марксизма в России.— История русской экономической мысли. Т. II. Ч. 2. М., 1960.
41. Crawford J. History of the Indian Archipelago. Vol. 1—3. Edinburgh, 1820.
42. Hollander I. I. de. Handleiding bij de beoefening de land- en volkenkunde van Nederlandsch Oost-Indië. D. I—II. Breeda, 1874.
43. Marsden W. History of Sumatra. 3d ed. L., 1811.
44. Midden Sumatra. Reisen en onderzoekingen der Sumatra-Expeditie. 1877—1879. Leiden, 1880.
45. Moor G. H. Notices of the Indian Archipelago. Singapore, 1837.
46. Morgan L. H. Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. N. Y.—L., 1877.
47. Raffles T. S. History of Java. Vol. 1—2. 2-nd ed. L., 1830.
48. Verkerk Pistorius A. W. P. Studiën over de inlandsche huishouding in de Padangsche Bovenlanden.— «Tijdschrift voor Nederlandsch—Indië». 1869, serie 3, jaargang 3, September.
49. Wilken G. A. Over de primitieve vormen van het huwelijk en het oorsprong van het gezin.— «De Indische Gids». 1880, d. 2, c. 601—664, 1177—1205; 1881, d. 2, c. 232—283.
50. Wilken G. A. Over de verwantschaft en het huwelijk- en erfrecht bij de volken van het Maleische ras.— «De Indische Gids». 1883, d. I, c. 656—764.
51. Wilken G. A. Verspreide geschriften. T. I—IV, Semarang — Soerabaja's-Gravenhage, 1912.